

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VII

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1939 · Ленинград

П. П. ИВАНОВ

Архив хивинских хановНОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ XIX в.¹

Для историка народов Средней Азии Хивинское ханство представляет значительный интерес, не только в связи с своеобразием хозяйственно-бытового уклада его населения,² но и тем исключительным влиянием, какое Хива оказала на окружающую ее кочевую периферию. В первую очередь следует отметить огромное влияние Хивинского ханства на политическую и социально-экономическую историю туркмен, прошлое которых вообще не может быть понято вне связи с историей хивинского феодализма, так же, впрочем, как и последний не может изучаться без учета роли туркмен в истории Хивинского ханства.³

Влияние Хивы в значительной степени отразилось также на казахах и каракалпаках, из которых последние, как известно, начиная уже с первой половины XVIII в., постепенно подпадали под экономическую и политическую зависимость от Хивинского ханства, а с начала XIX в. в большинстве своем уже входили в его состав.⁴ Необходимо отметить также, что систематические набеги хивинских феодалов на бухарскую территорию не могли не отразиться на ослаблении экономической и военно-политической мощи Бухары и способствовали усилению за ее счет Кокандского ханства в XIX в.⁵

К сказанному следует еще добавить, что, имея в своем распоряжении прекрасную туркменскую конницу, хивинские феодалы держали под своим

¹ Доклад, прочитанный в Институте востоковедения Академии Наук 10 октября 1936 г.

² Некоторые данные по этому вопросу см. П. П. Иванов, «Удельные земли» Сейид Мухаммед-хана Хивинского. ЗИВ АН, т. VI, Л., 1937, стр. 30 и сл.

³ Подробные данные об этом для периода XVI—XIX вв. приводятся в томе II «Материалов по истории туркмен и Туркмении», изд. Инст. востоков. Акад. Наук, Л. 1938.

⁴ См. П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков, Труды Инст. востоков. АН, т. VII, Л., 1935, стр. 70 и сл.

⁵ О хивинско-бухарских отношениях в первой четверти XIX в. см. П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве, Л., 1937, стр. 25 и сл.

контролем важнейшие торговые пути из Бухары в Россию и Иран, благодаря чему от Хивы в значительной мере зависела и внешняя торговля Бухарского ханства.¹

Уровень наших знаний о прошлом Хивинского ханства, однако, далеко не соответствует той важной роли, какую оно играло в истории среднеазиатских народов.

Единственным сочинением, из которого до сих пор в большинстве черпаются сведения о Хиве позднейшего времени, является известный труд проф. Н. И. Веселовского, составленный в 1877 г. и притом почти исключительно на основании рассказов европейских путешественников.² Основной и вместе с тем единственный источник по истории Хивинского ханства XVIII—XIX вв. — труд хивинских придворных историков XIX в. Муниса и Агехи — до сих пор остается неиспользованным, хотя он «по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского».³

Вполне понятно поэтому, что книга проф. Н. И. Веселовского не может ни в какой степени отражать действительное состояние разработки источников по истории Хивинского ханства, даже во второй половине XIX в.

В справедливости приведенного выше отзыва акад. В. В. Бартольда о значении хивинских хроник можно лишний раз убедиться, просматривая, напр., рассказы их авторов о туркменах и их взаимоотношениях с Хивинским ханством в XVIII—XIX вв. Сравнивая богатство материала хивинской официальной историографии с другими источниками, мы убеждаемся в том, что труды хивинских авторов далеко превосходят все, что дается по вопросу о туркменах иранскими и другими источниками XVIII и XIX вв.

В литературе была отмечена также и другая чрезвычайно характерная для хивинских придворных историков черта — именно отсутствие в их

¹ О влиянии Хивы на состояние торговых сношений между Средней Азией и Россией см. А. Ф. Рязанов, Сорок лет борьбы за национальную независимость казакского народа. Изд. Общ. изуч. Казахстана, Кзыл-орда, 1926, стр. 93, 142 и сл. Значительный материал по этому вопросу встречается также в хивинских хрониках Муниса-Агехи. Ср., напр., рассказ об ограблении бухарского каравана хивинцами в 1240/1825 г. Рукопись Института востоковедения Академии Наук Е6, лл. 255а и 256а. В том же сочинении приводится ряд сообщений о разграблении хивинцами бухарских караванов, направлявшихся через Мерв и Серахс в Иран.

² Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877. В качестве позднейшей работы по этому же вопросу следует отметить статью В. В. Бартольда в «Encyclopaedie des Islam», t. II, стр. 976 и сл.

³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Изд. Акад. Наук, Л., 1927, стр. 113.

сочинениях элементарной объективности, в особенности в освещении событий и фактов, так или иначе связанных с особой хана или его ближайших помощников. Эта мысль, высказанная в свое время на основании данных о хивинско-каракалпакских взаимоотношениях,¹ с еще большей убедительностью может быть подтверждена рассказами хивинских авторов о туркменах, изображаемых обычно хивинскими историографами в самых отрицательных чертах, особенно в тех случаях, когда действия или намерения туркмен не совпадают с интересами хана и его приближенных.

Пристрастное отношение хивинских авторов к некоторым из описываемых ими событий иногда достигает такой степени, что наводит на предположение об одностороннем подборе фактов и замалчивании ряда моментов, хотя и известных авторам, но находящихся в противоречии с излагаемой ими точкой зрения. Подобного рода предположения возникают особенно в тех случаях, когда авторы говорят о причинах восстаний и вообще всякого рода проявлениях недовольства со стороны населения против ханского правительства.

Недочет этого обстоятельства будущими историками Хивинского ханства или отдельных населявших его народностей может повлечь за собой ряд неправильных выводов, если, разумеется, при этом не будет приниматься во внимание свидетельство других более объективных источников. Необходимо также иметь в виду, что, несмотря на исключительное богатство сведений, касающихся многих сторон политической и отчасти общественной жизни ханства, хивинские хроники все же носят характер одностороннего повествования о политических событиях и почти совсем не затрагивают важнейших вопросов внутренней социально-экономической истории ханства. К числу источников, способных в той или иной степени компенсировать отмеченные выше недостатки официальной хивинской историографии, отчасти принадлежат сообщения европейцев, посещавших в разное время Хивинское ханство и оставивших тот или иной след в литературе.² Ценность этого, в общем небогатого, материала во многих случаях весьма относительна, так как обстоятельного знакомства с страной за короткий промежуток пребывания путешественника на территории ханства обыкновенно не достигалось, вследствие чего некоторые из европейцев довольствовались расспросными сведениями, не имея возможности проверить их путем личного наблюдения. Часто отмечается лишь внешняя сторона событий и почти не

¹ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 44—45.

² Сведения об этих путешественниках собраны в упомянутом выше сочинении Н. И. Веселовского.

затрагиваются наиболее существенные, но мало заметные, моменты, в частности, все то, что носит характер повседневности.

Вопросы обычной хозяйственной жизни населения путешественниками часто не затрагиваются вовсе, так же, впрочем, как и авторами официальной хивинской истории.

В этой именно связи и представляет интерес недавно открытый мною в Ленинграде архив хивинских ханов, конфискованный ген. Кауфманом при завоевании Хивы в 1873 г. Архив еще на месте был бегло осмотрен участвовавшим в хивинском походе ориенталистом А. Л. Куном, который и сообщил о его содержании некоторые общие сведения в одной из своих газетных статей.¹

Говоря о том, что ханский архив содержит в себе важные материалы для изучения хозяйственно-политического устройства ханства и, в частности, местной системы налогового обложения, А. Л. Кун не дает, однако, ни перечня находившихся в архиве дел, ни характеристики их конкретного содержания.

Дальнейшие сведения о судьбе архива хивинского хана в литературе отсутствуют. О месте его нахождения высказывались лишь догадки и предположения. Иногда высказывались предположения, что архив находится в Ленинграде, куда направлены были будто бы все дела и бумаги ген. Кауфмана. В 1929 г. мне пришлось, между прочим, обратиться по этому поводу с вопросом к покойному В. В. Бартольду, который сообщил, что о местонахождении архивов хивинского и кокандского ханов ему ничего неизвестно, и возможно, что они находятся в Ташкенте. За время одной из поездок своих в Ташкент в конце 1935 г. мне удалось побывать несколько раз в Центральном архиве Узбекистана, где, между прочим, пришлось ознакомиться с некоторыми еще неописанными бумагами и делами, исходящими из канцелярии хивинских ханов. Наряду с официальной перепиской между ханским правительством и начальником Амударьинского отдела за период между 1874 и 1914 гг., в просматривавшихся мною делах оказалось также несколько тетрадей с интересными записями на узбекском языке по вопросам взимания налогов, учета земель, аренды вакуфных земель мечетей и некоторые др. Самая ранняя из такого рода хивинских тетрадей относится к 1304 г. хиджры — 1886 г. н. э., самая поздняя — к 1332 г. хиджры — 1913 г. н. э., т. е. во всяком случае к периоду после русского завоевания. Таким образом вопрос о нахожде-

¹ Туркестанские ведомости, 1873, № 50.

нии старого ханского архива, вывезенного из Хивы в 1873 г., оставался попрежнему открытым.

Работая летом 1936 г. над некоторыми рукописями в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, я обратился с запросом к заведующему отделом И. А. Бычкову относительно возможности нахождения в отделе каких-либо неописанных документов из Средней Азии на восточных языках.

И. А. Бычков на следующий же день любезно показал мне большую кипу необработанных бумаг, тетрадей и свитков среднеазиатского происхождения, разложенных на двух полках большого шкафа. Приступив к рассмотрению материалов, я вскоре же обнаружил среди них некоторые записи на старом хивинско-узбекском языке, судя по почерку, хивинские. В дальнейшем, однако, оказалось, что в одних и тех же связках, наряду с хивинскими материалами, находится значительное число документов, написанных на таджикском языке, повидимому, ферганского происхождения, насколько об этом можно судить по названиям встречающихся в бумагах населенных пунктов и некоторым отдельным терминам.¹

Выделив, в конце концов, хивинские дела и документы и бегло с ними ознакомившись, я пришел к заключению, что мы имеем дело с архивом хивинского хана, вывезенным из Хивы ген. Кауфманом в 1873 г., что при дальнейшем изучении материалов вполне подтвердилось.²

Всего в архиве оказалось около 120 тетрадей различной величины и формата. Значительное число тетрадей заключено в переплеты, частью кожаные. Часть тетрадей находится в неисправном виде: испорчены переплеты, разорваны или вырваны листы, часть тетрадей расшилась и т. д.

Кроме переплетенных или просто сшитых тетрадей в состав хивинского фонда входит также некоторое число записей на отдельных листах, а также отдельных документов. Впрочем, такого рода документов пока удалось обнаружить не более 10. Возможно, что некоторые из отдельных документов остались мною незамеченными, находясь внутри тех или иных книг и тетрадей. Бумага, на которой производились записи, в огромном большинстве русская, частью кокандская.

¹ Весьма возможно, что эти документы, при ближайшем их рассмотрении, окажутся частью (остатками) архива кокандского хана (о нем см. Туркестанские ведомости, 1876, № 12).

² В отчете Публичной библиотеки за 1876 г. (СПб., 1878, стр. 168) в числе новых поступлений за указанный год помечено также «принесенное в дар почетным членом библиотеки, генерал-адъютантом К. П. Кауфманом, собрание документов и переписка владельцев среднеазиатских стран, собранных во время экспедиций исавдер-кульской, шахриябзской и хивинской».

Знакомство с записями и документами показало, что большинство их датировано и относится к периоду между 1237 г. хиджры — 1822 н. э. и 1289 г. хиджры — 1872 гг. н. э., охватывая, таким образом, промежуток времени в пятьдесят лет. Некоторое число тетрадей датировано лишь по годам двенадцатилетнего животного цикла. Язык всех хивинских записей и документов — исключительно хивинско-узбекский. На персидском языке встречаются лишь отдельные, повидимому, случайные записи и пометки. По отдельным десятилетиям датированные записи распределяются неравномерно, а именно: к 20-м гг. XIX в. относится 8 записей, к 30-м — 2, к 40-м — 15, к 50-м — 28, к 60-м — 12 и к 1870—1872 гг. — 15. По отдельным царствованиям хивинских ханов датированные документы и записи распределяются следующим образом: царствование Мухаммед Рахим-хана (1806—1825) — 4 записи, Алла-кули-хана (1825—1842) — 5, Рахим-кули-хана (1842—1845) — 2, Мухаммед Эмин-хана (1845—1855) — 18, Сейид Мухаммед-хана (1856—1865) — 31 и Сейид Мухаммед Рахим-хана (с 1865 г.) — 18.¹

Переходя к вопросу о характеристике и классификации бумаг нашего архива, необходимо заметить, что достаточно обоснованная классификация их была бы возможна лишь при том условии, если бы нам были достаточно хорошо известны система делопроизводства и специальная терминология, употреблявшаяся в Хивинском ханстве для обозначения различного рода деловых бумаг, называвшихся вообще здесь *дефтерами* (букв. тетрадь). Однако ни того, ни другого мы пока не знаем в достаточной степени, так как ни системами делопроизводства, ни формами официальных записей или финансовой отчетности в среднеазиатских ханствах никто специально не занимался. Впрочем, и возможностей для такого рода исследований пока не существовало, так как ханские архивы до сих пор являлись недоступными для исследователей.

Несколько общих замечаний, не характеризующих, впрочем, достаточно конкретно интересующего нас вопроса о характере делопроизводства в среднеазиатских ханствах, встречаем мы у акад. В. В. Бартольда в его интересной статье: «Хранение документов в государствах мусульманского Востока».² Статья содержит весьма ценные данные для истории архивного

¹ В 1855—1856 гг. в Хиве короткое время правили еще ханы Абдулла и Кутлуг Мурад. В числе отдельных документов архива имеется один из ярлыков Кутлуг-Мурада.

² Архивные курсы. История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Лекции, читанные в 1918 г. Пгр., 1920, стр. 371—387.

дела в странах мусульманского Востока в средние века, но в отношении более поздних столетий материал ее значительно беднее.

Говоря о том, что в среднеазиатских ханствах XVIII—XIX вв. постепенно «расширилось и письменное делопроизводство и улучшался порядок хранения документов», В. В. Бартольд отмечает при этом, что «наши сведения об этой стороне исторической жизни Туркестана до сих пор крайне скудны».¹ Говоря далее о российском завоевании Средней Азии, автор выражает сожаление, что «при этом не было принято мер для сохранности ханских библиотек и архивов».²

Дальше В. В. Бартольд замечает, что «до сих пор предметом исследования была только одна категория документов, так называемые вакуфные грамоты, притом только для одной Самаркандской области и только с точки зрения заключающегося в них историко-географического материала».³

Приведенные здесь замечания В. В. Бартольда с полной убедительностью показывают, насколько недостаточен был тот фактический материал, каким располагала до самого последнего времени историческая наука по интересующему нас вопросу о категориях исторических документов и характере официальных записей в среднеазиатских ханствах.

Правда, через несколько лет после того, как вышла в свет цитируемая работа В. В. Бартольда, стали циркулировать слухи о находках большого количества документов, а также так наз. «архива кушбеги» в Бухаре, однако в печати каких-либо сведений по этому вопросу до сих пор не появилось. Что касается специально занимающего нас вопроса о характере делопроизводства и системе хранения документов в Хивинском ханстве, то одно из общих замечаний на этот счет встречается в сочинении Агехи, посвященном описанию царствования Сейид Мухаммед-хана (1856—1865). Описывая военные действия между ханскими войсками и восставшими туркменами-йомутами в 1274 г. хиджры — 1858 г. н. э., Агехи сообщает, что в результате наступившего общего разорения враждующие стороны решили закончить дело миром. С участием представителей всех главнейших народностей ханства был выработан и подписан мирный договор (ахд-намэ),

¹ Архивные курсы, ук. соч., стр. 381.

² Там же.

³ Автор ссылается при этом на работу В. Л. Вяткина «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета» (Справочная книга Самаркандской области, вып. VII, 1900). В настоящее время можно указать на другую работу В. Л. Вяткина о Каршинском вилайете (Изв. Средне-аз. отд. Гос. Русск. геогр. общ., т. XVIII, Ташкент, 1928), а также на статью о документах по аграрному вопросу в Средней Азии (Зап. Инст. востоков. Акад. Наук, т. II, вып. 2, Л., 1933). В последних двух небольших работах наряду с вакуфными документами использована отчасти и деловая переписка среднеазиатских ханов

скрепленный печатями всех участвовавших сторон. Рассказ об этом событии у автора заканчивается сообщением о том, что окончательно оформленный и утвержденный ханом документ был передан затем «хранителям государственной (ханской) казны» خزانة عامر خازنلاريغه تاپشوردیلار.¹

Из последнего сообщения автора вытекает (во всяком случае в идее), что в казне хивинского хана помимо денежных фондов сосредоточивались также все важные государственные акты, имевшие достаточно серьезное значение,² и что передача подобного рода актов в казну доставляла гарантию их сохранности и, так сказать, действительности с официальной государственной точки зрения.

В какой мере этот принцип осуществлялся в правительственной практике и не являются ли вообще приведенные слова Агехи о заключении торжественного договора довольно обычным для хивинских историков литературным приемом, скрывающим за собой более прозаические факты, — остается неизвестным.

Во всяком случае, хорошо известно, что так подробно описываемое автором «мирное соглашение» никаких практических последствий не имело, так как война вскоре возобновилась с прежней силой.

Следует отметить также, что в числе обнаруженных в настоящее время в архиве бумаг, относящихся ко времени царствования Сейид Мухаммед-хана, упоминаемого Агехи акта не оказалось. Однако, независимо от данного частного случая, следует все же заметить, что приведенные выше слова хивинского историка указывают на наличие в ханстве централизованного делопроизводства, сосредоточивавшегося при дворце хана и носившего в Хиве традиционное название «высочайшего дивана» (диван-и-али). Обслуживался диван штатом секретарей, носивших традиционный же титул мунши.³ Включалось ли в понятие ханского дивана делопроизводство канцелярий важнейших сановников ханства — мехтера, кушбеги — и главного сборщика закята — диванбеги, упоминания о котором встречаются в хивинской истории,⁴ остается пока невыясненным, хотя разрешение этого вопроса

¹ Гульшен-и-девлет, соч. Агехи, рукоп. Инст. востоков. Акад. Наук В 1891, л. 153б. Более подробные данные об этом событии см. мой перевод в Трудах Инст. востоков. Акад. Наук, т. VII, стр. 141.

² По словам В. В. Бартольда, и в средние века в восточных странах «для обозначения архивов и библиотек употреблялся тот же термин — казна (собственно хазина или хазана), — как для обозначения государственного денежного фонда». Ук. соч., стр. 377. Подобное же положение наблюдаем мы и в Хивинском ханстве в XIX в.

³ Гульшен-и-девлет, цит. рук., л. 151а.

⁴ Автор сочинения Гульшен-и-девлет (л. 109б) говорит о нем как о

в значительной мере могло бы облегчить стоящую перед нами практическую задачу — истолкование и классификацию архивных записей.

Переходя, наконец, к характеристике рассматриваемого нами хивинского архивного фонда, следует заметить, что содержание его записей и бумаг чрезвычайно разнообразно, охватывая собой, повидимому, все важнейшие вопросы государственного устройства и управления.

Первое по численности место занимают, разумеется, записи по вопросам взимания налогов и налогового учета населения. Сюда относятся многочисленные списки налогоплательщиков, распределяемых по «мечетям»,¹ с указанием категории «высшей», «средней» и «низшей», принимавшейся во внимание при взимании налогов.² В некоторых из такого рода «дефтеров» против имен плательщиков указывается также размер принадлежавших им земельных участков (в танапах), а иногда и количество скота. По каждой «мечети» отдельно указывается цифра установленного для данной единицы налога в тиллях. С этой же группой записей следует, повидимому, объединить специальные тетради с записями собранного с отдельных «мечетей» салгыта (денежный земельный налог-рента). Записи ведутся по отдельным дням недели. Текст одной из записей показывает, что подобного рода книги назывались «салгытными дефтерами» (салгыт дефтери). Из других таких же записей видно, что «салгытные тетради» выдавались мехтером определенному лицу, на обязанности которого и лежали запись поступающих сумм и составление соответствующей отчетности.

Несмотря на отсутствие каких-либо подробных текстовых пояснений, указанного рода записи представляют все же значительный интерес, так как содержат в себе богатый цифровой материал, характеризующий не только формы и размеры обложения, но и имущественное состояние и численность налогоплательщиков по отдельным административным районам.

К категории финансовых же документов относятся записи поступлений закята с торговых караванов как приходящих из России (кал'ачи), так и из Бухары (бухарчи).

В том и другом случае сообщаются именные списки купцов, с указанием города, из которого они происходят (хивали, ургенчи, и т. д.), с указанием вида и количества привезенных ими товаров и сумм причитающегося с каждого товара в отдельности закята.

¹ Первичная административная единица, сохранившая в Хиве свое значение до самого последнего времени.

² Это же подразделение на категории сохранялось в Хиве и в позднейшее время. См. О. Шканский, Амударьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 108.

Для истории внешней торговли Хивы данные записи могут иметь существенное значение.

С этой же точки зрения представляет интерес одна из записей о выдаче ханом 2450 тиллей на торговые операции одному из руководителей торгового каравана (караван-баши). Запись эта с несомненностью подтверждает участие хивинских ханов в караванной торговле с Россией.¹

Для изучения характера внутренней торговли имеют значение встречающиеся в архиве записи сбора закята с базарных торговцев. Отдельное место занимают две небольшие тетради с записями сумм закята, собиравшегося с ремесленников. Одна из этих тетрадей содержит подробный список ремесленников города Хивы, по отдельным профессиям и с указанием суммы сбора закята с каждой профессии (т. е., очевидно, цеха) в отдельности.

Одна из тетрадей содержит записи закята, собранного с посевищиков табака. Указываются размеры засеянной каждым посевищиком площади и сумма взысканного с него закята. Речь идет о посевищиках только в окрестностях г. Хивы.²

Видное место в архиве занимают списки арендаторов вакуфных земель медресе и мечетей (карандэ). Списки также велись по «мечетям», с указанием количества арендуемой каждым земледельцем земли и обозначением категорий его по фискальному признаку.

Над именами некоторых арендаторов проставлены годы, обозначающие, повидимому, момент сдачи земли в аренду данному лицу. Характерно отметить, что фамилии многих прежде числившихся в списках арендаторов перечеркнуты и заменены другими, которые иногда также перечеркнуты и заменены новыми. Это обстоятельство, на мой взгляд, свидетельствует о той текучести в составе арендаторов вакуфных земель, — ввиду невыгодности такого рода аренды, — которая отмечалась и в других районах Средней Азии, и, как показывает один из принадлежащих мне документов из Хивы, была свойственна и Хивинскому ханству.

Количество поступавшего от арендаторов вакуфных земель зерна и способ его распределения также указывается в одной из тетрадей. Запись показывает, например, что из общего количества 1880 батманов, поступивших от арендаторов вакуфных земель медресе Кутлуг Мурад-инака, 180 батманов было получено мутевалием, по 162 батмана было выдано

¹ Более общие данные по этому вопросу приведены в моей работе «Казахи и Кокандское ханство», помещаемой в настоящем томе Записок.

² Из прочих документов видно, что собственного табака в Хиве было недостаточно, вследствие чего этот товар составлял одну из важнейших статей ввоза из Бухарского ханства.

ахундам (т. е. мударрисам), 130 батманов было выдано имаму вместе с муэззином, по 50 батманов феррашу и цырюльнику и остальное — учащимся по приведенному в книге списку. Наибольшим количеством вакуфных земель располагала, повидимому, мечеть, выстроенная Шир-гази-ханом (1715—1728).

Названная мечеть получила в 1275 г. х. — 1858 г. н. э. со своих земель 4700 батманов (около 5500 пудов) хлеба, что составляло, повидимому, только около $\frac{1}{8}$ валового урожая, обычно отчислявшегося, в среднем, арендаторами.

Из прочих хозяйственных записей представляют значительный интерес сведения о поступлении зерна из личных поместий хана в Рафенеке, Гендумкане и других местностях ханства.¹

Одна из таких записей, относящаяся к 1262 г. х. — 1845 г. н. э., показывает, что поступление зерна из имения в Рафенеке выразилось в количестве 4360 батманов, т. е. свыше 4500 пудов. Другая подобная же запись, относящаяся к 1266 г. х. — 1849 г. н. э., говорит о необычайно большой цифре поступления зерна с каких-то земель специального назначения (خاصه بری) в районе Шурахана.² Общий сбор всех культур в указанном году выразился здесь в количестве 20 100 батманов, что также должно было, повидимому, составлять только около $\frac{1}{8}$ валового урожая. Имеется также ряд записей, указывающих и расход поступившего таким образом зерна (продажу его и разные выдачи, в том числе духовенству). Одна из записей 1247 г. х. — 1831 г. н. э. говорит об отпуске пшеницы для продовольствия рабам (догма).

В одном случае на продовольствие 64 рабов на 4 месяца отпущено 738 батманов, в другом на 46 человек, также на 4 месяца, выдано 544 батмана и т. д.

Для детальной характеристики структуры местного государственного аппарата большое значение имеют несколько довольно объемистых тетрадей, заключающих в себе списки сановников и различного рода должностных лиц, пользовавшихся правительственным содержанием (вазифе). Наиболее ранняя из записей (датированных) относится к 1265 г. х. — 1848 г. н. э., позднейшая — к 1276 г. х. — 1859 г. н. э. На первом месте во всех списках стоит накыб, получающий в различные годы и, повидимому,

¹ О личных «удельных» землях хивинских ханов XIX в. см. мою цитированную выше работу в ЗИВ, т. VI, стр. 26 и сл.

² О земельных владениях лиц ханского рода в этом районе в период царствования Сейид Мухаммеда см. там же, стр. 41.

в зависимости от разных условий, от 100 до 150 тиллей, затем один из торе, занимавший должность эмир-уль-умара («главнокомандующего»), с содержанием в 500 тиллей, после него аталык-ака — 150 тиллей или (иногда) инак-бек — 300 тиллей, дальше бий-ака — 100 тиллей, затем беглербеги — 200 тиллей, после него следуют беки, получающие около 40 тиллей, затем мехремы и юзбашы окрестностей столицы — от 15 до 100 тиллей. После этого в списке помещены: юзбашы прочих районов, юзбашы отдельных сановников (инак-бека, беглербеги и др.), затем знать различных племен узбеков, а также туркмен, казахов и каракалпаков. В конце списков перечислены различного рода низшие должности, до поваров и музыкантов (повидимому, придворных) включительно.

Таким образом списки дают исчерпывающие материалы не только о штатах хивинского двора и удельном весе отдельных придворных должностей, но и характеризуют правительственный аппарат в целом. Сопоставление данных за ряд лет поможет будущему исследователю установить характер происходивших здесь изменений и поставить это в связь с происходившими политическими событиями, подробное описание которых встречается в хивинских хрониках. Для более детальной характеристики военно-административного устройства ханства имеют значение довольно многочисленные списки нукеров — военных слуг хана и отдельных его сановников. Число этих тетрадей довольно значительно (не менее 10). В одной из записей, наряду со списками нукеров мехтера, кушбеги и других сановников, приводится также список нукеров одного из высших духовных сановников — ходжи, занимавшего должность шейх-уль-ислама, из чего можно заключить, что в Хиве, как и в средневековой Европе, высшее духовенство опиралось также на собственную вооруженную силу.

Нередко списки нукеров приводятся по «мечетям» или племенам, причем иногда отмечается имущественное положение нукера или указываются размеры производившихся денежных выдач.

Статистическая и иная обработка списков нукеров даст со временем довольно точный и вполне надежный материал по вопросу об организации военных сил ханства, их численности в отдельные моменты и пр.

Одна из больших тетрадей-книг архива содержит в себе список домохозяев Хивы и прилегающих к ней районов. Из имеющейся на обложке пометки на русском языке¹ видно, что в данной записи представлены результаты своего рода всеобщей переписи населения, производившейся

¹ Кажется, почерк А. Л. Куна (заметка датирована 2 августа 1873 г.).

в центральных районах ханства в начале царствования Сейид Мухаммеда, т. е. во второй половине 50-х гг. XIX в. Списки составлены, как обычно, по «мечетям», с указанием имени домохозяина и числа его сыновей (с отметкой *كبير* или *صغير*). Женское население не учитывалось. Против некоторых из помещенных в списках лиц стоит пометка *بيوطن*, т. е. неимеющий своей собственной земли.¹ Число безземельных указывается также в итогах по отдельным «мечетям». Иногда число это оказывается довольно значительным.

Тетрадь содержит около 500 страниц. Если принять во внимание, что на каждой странице помещено в среднем около 20—24 имен домохозяев, то общее число охваченных переписью хозяйств должно составить не менее 10—12 тысяч, что является достаточно солидным материалом для различного рода статистико-экономических изысканий. В связи с множеством заключающихся в тетради названий «мечетей» и различного рода географических пунктов, данные переписи имеют значение также для выяснения многих вопросов исторической топографии Хивы и прилегающих к ней районов.

Из прочих имеющихся в архиве материалов представляют интерес также данные об отдельных народностях, населявших ханство в рассматриваемый период, в частности о туркменах, каракалпаках и др. Относящиеся к туркменам довольно многочисленные записи касаются самых разнообразных сторон жизни этого народа и взаимоотношений его с хивинским правительством. Ряд тетрадей содержит данные о распределении земли среди разных туркменских племен (гёкленов, алиэли и др.) и другие данные об экономическом их положении в отдельные периоды. Имеются подробные записи о размерах *к о н у к'а* (*قونوق*), выдававшегося туркменам за их военную службу, о чем в хивинских хрониках встречаются лишь отдельные глухие упоминания; сообщается количество *атлы* (всадников), выставлявшихся отдельными племенами, приводятся списки взятых заложников, имеются записи о сборе *у ш р а* с туркмен племени *м е ш р и к* и ряд других сведений, не встречающихся в других до сих пор известных источниках. Имеется также одно донесение какого-то хивинского чиновника о политических настроениях среди гёкленов в период обострения их взаимоотношений с ханским правительством.

Довольно подробны сведения о каракалпаках. Записи касаются главным образом сбора *закята* и *отчасти салгыта*. При составлении списков *платель-*

¹ О значении этого термина («биватенли») см. Шкапский, ук. соч., стр. 104.
Зиван, VII

щиков и перечислении сумм сбора приводятся данные о количестве земли или скота у каракалпаков, указывается расселение их по отдельным районам, приводятся имена каракалпакских биев отдельных племен и т. д. Соответствующая обработка указанных записей в значительной мере будет полезна для выяснения экономического положения каракалпаков в один из малоисследованных периодов их истории.¹

Одна из тетрадей архива целиком посвящена записи наградных сумм, выданных в шаввале 1272 г. х. (июне 1856 г.) каракалпакским и казахским биям. Запись представляет особый интерес в связи с тем обстоятельством, что время выдачи наград совпадает с моментом подавления известного восстания среди каракалпаков под предводительством Джарлык-төре.² Учет данной записи поможет в дальнейшем более подробному выяснению истории восстания и, в частности, выяснению вопроса о племенном и социальном составе противников восстания из числа самих каракалпаков.

Последняя значительная группа записей относится к военным делам. В связи с упоминанием об отдельных походах, записи затрагивают вопросы распределения захваченных пленных (догмэ) между отдельными предводителями, списки лиц, награжденных деньгами за удачное совершение набегов, размеры пособий на приобретение погибших во время сражений лошадей, количество верблюдов, погибших во время похода на Мешхед в 1243 г. х. — 1827 г. н. э., количество продовольствия, фуража и военных припасов, отпущенных разным лицам во время мервского похода 1263 г. х. — 1846 г. н. э., и т. д.

Прочие дела и бумаги архива, насколько удалось это установить при беглом предварительном просмотре, представляют собой записи по частным вопросам. Таковы, например, записи о выдаче денежных сумм хану. В одном случае (1275 г. х. — 1858 г. н. э.) отмечается, что «его величеству послано пять тысяч тиллей», затем «еще 1 тысяча тиллей», «во второй раз еще тысяча тиллей» и т. д. Сюда же относится вшитый в одну из тетрадей наряд на рабочих по очистке оросительных каналов (казу). Список составлен по отдельным «мечетям». В одной из тетрадей оказалась ведомость, представляющая собой нечто вроде водного кадастра, с исчислением количества «су» воды в отдельных районах ханства.

¹ Более подробные данные о каракалпаках в данный период, с использованием также документов хивинского архива, приводятся в моем докладе на исторической сессии Акад. Наук СССР в июне 1937 г. (в печати).

² О нем см. цитированную выше работу автора в Трудах Инст. востоков. Акад. Наук, т. VII, стр. 86 и сл., также перевод текста, стр. 139.

Ввиду незначительного объема «ведомости» приведем ее полностью в тексте и переводе.

Текст	Перевод
<u>سُو حسابی</u>	Исчисление воды
۲۹۰۷	2907
خېغانېك نېنك قبله سى ايكي مينك توقوز يوز يتي سُو	К югу от Хэйганека ¹ две тысячи девятсот семь «су». ²
۹۳۰	930
يانكغى اريق توقوز يوز اوتوز سُو	Янги-арык девятьсот тридцать «су».
۲۲۲	222
يمرايلى ايكي يوز يكرمه ايكي سُو	Имрели двести двадцать два «су».
۴۰۵۹	4059
جمعى تورت مينك ايليك نوقوز سُو	Всего четыре тысячи пятьдесят девять «су».
۳۸۹۰	3890
ارقه سى اوج مينك سكين يوز توقسان سُو	В северной части ³ три тысячи во- семьсот девяносто «су».
۴۱۲	412
يانكغى زه تورت يوز اون ايكي سُو	Янги Зей (Новый Зей ⁴) четыре- ста двенадцать «су».
۲۸۹	289
كهنه زه ايكي يوز سكسن توقوز ياريم سُو	Куня Зей (Старый Зей) двести во- семьдесят девять с половиной «су».

¹ На картах не показан.

² Мера воды. Наиболее обстоятельное определение величины «су» см. В. В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Ташкент, 1918, стр. 27 и сл.

³ В тексте арк а. Переводится нами как «север», «северная сторона» на основании текста хивинского ярлыка, текст и перевод которого см. в приложениях.

⁴ На карте, приложенной к книге Каульбарса «Низовья Аму-дарьи» (СПб., 1881), показаны к северо-западу от г. Хивы два озера, носившие название Зей-куль. Там же нанесен приток Зей-кеш. К какому из этих обозначений относятся определения «новый» и «старый» — неизвестно.

۴۰۹۱

4591

جمعى تورت مينك بيش بوز توقسان بر
ياريم سُو

Всего четыре тысячи пятьсот
девяносто одна с половиной «су».

۸۴۰۰

8650

ايكى بوبن نينك جمعى سكينز مينك
آلتى بوز ايليك ياريم سُو
قبلهسى نينك ساناغى

По обеим сторонам всего восемь
тысяч шестьсот пятьдесят один с по-
ловиной «су».

Счет южной стороны.¹

Насколько полно таблица отражает действительные водные ресурсы страны и их распределение по отдельным районам — могут судить лица, специально занимающиеся гидрологией низовьев Аму-дарьи и близко знакомые с географией данного района.

Представляет значительный интерес также следующая ведомость учета культурных «измеренных» земель ханства, с распределением их по отдельным родо-племенным подразделениям.

Текст

Перевод

خطای خلقى نينك توقوز طایفهسى²
اورناسیداغى مشترک یرى توقوز مينك
سکز بوز قرق بيش طناب قوبون خلقى
نينك یرى بکرمه ايکى مينك بوز بکرمه
طناب ارالبای خلقى نينك یرى آلتى
مينك قرق بيش طناب بيش سارى
خلقى نينك یرى اون مينك یتى بوز
التيش سکز طناب قرق خلقى نينك
و بوقلى خطای و منجولى خلقى نينك
یرى مينك توقوز بوز بکرمه اوج طناب
انه خلقى بيله آى تکه و چروچى خلقى
نينك یرى بکرمه تورت مينك یتى بوز

Всовместном владении девяти ро-
дов племени хытай находятся земли
9845 танапов. У племени коюн
земли 22120 танапов. У племени
аралбай земли 6045 танапов.
У племени беш-сары земли
10768 танапов. У племен кырк,
туяклы (?) хытай и манджули
земли 7923 танапа. У племени анэ,
совместно сай-теке и череучи,
земли 24720 танапов. У племени
каз-аяклы земли 7461 $\frac{1}{2}$ танапа.

¹ Ведомость не закончена.

² В тексте نخهسى.

يكرمه طناب قازايافلى خلقى نينك
 ىرى مينك تورت يوز التمش برباريم
 طناب قايچى لى خلقى نينك ىرى آلتى
 مينك سكر يوز يكرمه طناب يكى شېخ
 خلقى نينك ىرى ىتى مينك ايليك
 طناب

У племени кайчили земли 6820
 танапов. У племени ики шейх земли
 7050 танапов. Всего 1 ляк¹ 2482 та-
 напа. У племени кипчак 50 368
 танапов. У племени канглы 7616
 танапов. Всего 58 084 танапа.

مجموعى سى بر لك ابلى مينك
 تورت يوز سكسان ايكي طناب

Эта упомянутая земля снабжается
 водой из Кегайли.²

قچاق خلقى نينك ىرى ايليك
 مينك اوج يوز التمش سكر طناب
 قانگلى خلقى نينك ىرى ىتى مينك
 آلتى يوز اون آلتى طناب

У племени хытай, кипчак
 и канглы (в урочище) Тазкара нахо-
 дится в совместном владении 14 820
 танапов, у племен хытай, кипчак
 и канглы (в урочище) Яллак-узяк
 и Кок-узяк находится в совместном
 владении 37 950 танапов.

مجموعى ايليك سكر مينك سكسان
 تورت طناب بو مذکور بر کیکایلی نینک
 انخوری تورور

Всего измеренных земель 2 ляка
 13 234 танапа (т. е. 213 234 та-
 напов).

تازقراداغى خطای و قچاق و قانگلى
 خلقى نينك مشترک ىرى اوان تورت
 مينك سكر يوز يكرمه طناب يالفاق
 اوزاک بيله گوک اوزاک داغى خطای
 و قچاق و قانگلى خلقى نينك مشترک
 برلارى اوتوز ىتى مينك توقوز يوز
 ايليك طناب

مجموعى اولچاكان يرلار ابكى لك
 اون اوج مينك ايكي يوز اوتوز تورت
 طناب

¹ Ляк = 100 000.

² Кегайли или Кегейли — один из протоков в устьях Аму-дарьи, вытекающий из Куваныш-джармы (Кок-узяка).

На основании упоминавшегося выше документа о раздаче наград каракалпакским биям в 1272 г. х. и ряда других можно установить, что большинство упоминаемых здесь родо-племенных наименований относится к различным подразделениям каракалпаков племени хытай. Таким образом наш документ характеризует общинно-родовое землевладение среди каракалпакского населения в одном из наиболее важных районов дельты Аму-дарьи.

Наряду с общим своим значением для изучения вопроса о земельных ресурсах северной части Хивинского ханства, документ представляет также весьма наглядную иллюстрацию к тем общим соображениям, какие были высказаны мною, на основании данных хивинских хроник, об общинно-родовом землевладении среди хивинских узбеков на протяжении последних столетий.¹

Из числа отдельных документов, также имеющих отношение к истории аграрного строя Хивы, заслуживает внимания ханский ярлык, выданный в месяце раджабе 1257/1841 г. некоему Сейид Ниязу, сыну Адина Мурада. Как видно из текста документа, хан передает Сейид Ниязу (повидимому туркмену) два участка земли с тем, чтобы полученная таким образом Сейид Ниязом земля перешла в вечную собственность владельца и его наследников и была «обелена» от всякого рода налогов и сборов (см. Приложение).

Из числа документов дипломатического характера в архиве пока удалось встретить только один — донесение хивинского посла, направленного ханом в Коканд и Бухару. Письмо не датировано. Судя по некоторым упоминаемым в донесении детальным фактам, документ относится к началу XIX в.

Заканчивая на этом свою краткую предварительную характеристику содержания ханского архива, считаю в заключение необходимым отметить, что даже те сравнительно неполные сведения, какие удастся получить нам при беглом просмотре бумаг, являются достаточными, чтобы отметить его важное значение для изучения истории Хивинского ханства первых трех четвертей XIX в.

Несмотря на свою неполноту и отрывочность, перечисленные выше записи все же являются ценным и необходимым дополнением к сравнительно одностороннему, хотя и подробному, повествованию хивинских придворных

¹ См. цитированную выше работу автора об «Удельных землях» в ЗИВ, т. VI, стр. 30 и сл. Более подробно вопрос о землевладении у каракалпаков затрагивается в указанном выше моем докладе.

хроник. Замечание первого обозревателя ханского архива А. Л. Куна о том, что записи являются запутанными и непонятными, справедливо лишь в той мере, в какой оно может быть вообще отнесено к изучению архивов большинства восточных стран, до сих пор почти совсем не изучавшихся. Изучение хивинских официальных бумаг встретит на первых порах, очевидно, такого же рода трудности, какие были встречены, например, при изучении финансовых записей Ирана недавнего прошлого или Египта в эпоху халифата.¹ Преодолеть эти трудности, однако, необходимо для того, чтобы наука могла в своих дальнейших выводах опираться на те исключительно ценные источники, какими располагают архивы.

Тщательная и кропотливая работа исследователей в этом направлении несомненно будет способствовать выяснению многих вопросов, до сих пор почти не затрагивавшихся в нашей литературе. Что касается данных хивинского архива, то ценность их повышается отчасти еще тем обстоятельством, что они подводят исследователя вплотную к моменту завоевания Хивинского ханства Россией, после чего в литературе о Хиве начинают появляться более или менее подробные материалы европейских авторов. Некоторым дополнением к последним могут явиться также записи той части ханского архива позднейшего времени, которая находится в данное время в Ташкенте.

В связи с обнаружением ханского архива в настоящее время особый интерес и значение приобретает хивинская история Мувиса-Агехи, так как только путем одновременного изучения нарративных источников и документов архива может быть восстановлена действительная картина исторической жизни Хивинского ханства и населявших его разнообразных народностей.²

¹ См. об этом В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 384.

² Краткая информационная статья по поводу находки архива хивинских ханов опубликована автором в журнале «Историк-марксист», 1937, кн. 3-я. В настоящее время автором заканчивается подробное исследование и описание документов архива, которое в ближайшее время поступит в печать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЯРЛЫК ХИВИНСКОГО ХАНА АЛЛА-КУЛИ¹

Т Е К С Т

ابو المظفر و المنصور ابوالغازی خوارزمشاه سوزومز

مراحم شاهانه مزدین سربلند و ارجمند قلیب هلالی موضعى داغی
 مملکه پادشاهیغه تعلق تاپقان یردین ایکی بولاک یرنی کیم اولغی بولاکی
 برکشیده یتى یاریم و ایکنچی بولاکی برکشیده ایکی یاریم طناب دور مواجب
 نوکریه اوچون آدینه مرادنبنک اوغلی سید نیازغه ایلیک طلای رایج الوقتیغه
 ساندوق مع قبوله ایاهما قطعۀ اولی نینک کونچقاری و ارقه سی و کون باتاری
 مملکۀ پادشاهی قبله سی عامه یافی و قطعۀ ثانیه نینک کونچقاری عامه یولی
 ارقه سی و کون باتاری و قبله سی مملکۀ پادشاهی ابدی بویاریلیغ عالی مضونیه
 اکاه بولغاچ شول معلوم الحدود ایکی بولاک یرنی مشار الیه نینک ملک
 خالصی بلیب احدی داخل و مزاحم بولماسون و اوزیدین سونکرا وارثلاری
 نینک یری بولسون بطناً بعد بظن قرناً بعد قرن الی ان یرث الله الارض و ما علیها
 و هو خیر الوارثین و بعد الیوم هر کیمسه نفسانیت یوزیدین آلور بولسه و یا
 الورغه سعی قیلسه لعنت ابدیغه سزاوار بولسون دیب دار السلطانۀ خیوقدا صانها
 الله عن الحرق و الغرق رجب المرجب آبی موافق بقر [بیلی] سنه ١٢٧٠ یاریلیغ
 عالی رقم تاپدی.

¹ Имя выдавшего ярлык хана ни в заголовке, ни в тексте не упоминается, как не упоминается оно и в другом опубликованном до сих пор ярлыке Алла-кули, помеченном 1241/1826 г. См. Труды Вост. отдел. Русск. археол. общ., ч. IV, СПб., 1859, стр. 448—450 (текст), стр. 451—453 (перевод).

ПЕРЕВОД

Слово наше, победоносного, [богом] покровительствуемого, борца за веру,
Хорезмшаха

Возвышая и благодетельствуя своими царскими милостями Сейид Нияза, сына Адина Мурада, мы, в вознаграждение его за нукерскую службу, продали ему,¹ с его согласия, за пятьдесят тиллей ходячей монеты два участка земли, принадлежащей к числу государственных земель² местности Хияляли.³ Размер первого участка — семь с половиной танапов, размер второго — два с половиной танапа. [Границами] первого участка с востока, севера⁴ и запада являются государственные земли, а с юга — канал [«яб»] общего пользования; [границами] второго участка с востока служит дорога общего пользования, а с севера, запада и юга — государственные земли. Теперь, как только станет известно содержание настоящего высокого ярлыка, [пусть] знают, что оба эти участка, с обозначенными [здесь] границами, являются очищенным мулъком⁵ вышеуказанного лица, [а потому] пусть никто [из сборщиков податей] на них не является и не беспокоит [их владельца]. После смерти самого [Сейид Нияза] пусть эта земля перейдет к его наследникам на вечные времена, пока аллах не наследует землю и все, что на ней, — а он — лучший из наследников. Каждый, кто, по прихоти своей, с сего дня будет брать [налоги] или [только] стремиться к этому, пусть будет достоин вечного проклятия.

[Настоящий] высокий ярлык написан в стольном граде Хиваке⁶ — да сохранит его аллах от пожара и наводнения — в почтенном месяце раджабе, в год [хиджры] 1257, соответствующий [году] коровы [с 19 августа по 17 сентября 1841 г. н. э.].

Примечания к переводу

¹ Подлинный текст ярлыка, подобного настоящему, становится доступным впервые, хотя содержание подобного рода хивинских ярлыков известно по канцелярским переводам уже довольно давно. Так, Шкапский (Аму-дарьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 100—101) обратил в свое время внимание на то странное обстоятельство, что передача ханом земли в мулъковое владение тому или иному лицу оформляется ярлыком как сделка купли-продажи, хотя как в нашем ярлыке, так и прочих грамотах обычно указывается, что цель передачи земли — вознаграждение того или иного лица за выполняемую им службу. Разъяснения хивинских законоведов показали, однако, что продажа в данном случае являлась чисто фиктивной и упоминание о ней вводилось в документ с единственной целью — закрепить наиболее прочно право на землю за ее новым владельцем, ибо — как пояснили законоведы —

«сделки купли-продажи по шарияту являются самыми прочными». На фиктивный же характер продажи указывают и крайне низкие цены на землю, по Шкапскому — от 2 до 20 раз ниже нормальных.

² В тексте стоит *мемлеке-и-падшахи*. О значении этого термина в Хивинском ханстве см. цитированную мою работу об «Удельных землях» в ЗИВ, т. VI, стр. 39 и сл.

³ На русских картах Ильялы — между Хивой и Куны Ургенчем.

⁴ В тексте «арка» (буквально «спина»). А. Туманский в своем переводе «Родословной туркмен» Абулгази (Асхабад, 1897, стр. 19, прим.) поясняет, что «арка» («арка-тераф») — «выражение, употребляемое в Средней Азии у тюркских народов для обозначения той страны, из которой тот или другой народ полагает себя вышедшим». Возможно, что и такое толкование слова «арка» когда-либо применялось; однако, как показывает текст нашего *ярлыка*, данное слово имело и более простое и понятное значение, именно — «север», «северная сторона» (в данном случае «северная граница» участка), как мы его и переводим.

⁵ В тексте *мульк-и-халиси*. Более детальное толкование этого термина см. в цитированной выше моей работе, стр. 40 и сл.

Данное место *ярлыка* между прочим показывает, что термин *мульк-и-халиси* применялся для обозначения не только личных поместий («удельных земель») ханов, как это видно из хивинских хроник, но и «обельных» земель частных лиц.

⁶ *Хивак* — средневековое название г. Хивы.